

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Полидисциплинарная антропология в контексте «новых поворотов» социогуманитарного знания	4
Лингвистический поворот	8
Новая культура историописания	16
Переосмысление теории и стиля в антропологии.....	22
Антропологический поворот в российской этнологии: От генетики до идентичности	40
Цифровой поворот. Образы реальной виртуальности	53
Количественные показатели библиометрии.....	57
Онтологический поворот. Акторно-сетевая теория или новая материальность	62
Вместо заключения: Антропология в глобализированном мире. На пути к новой антропологии	82
Список литературы	93

ВВЕДЕНИЕ.
ПОЛИДИСЦИПЛИНАРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
В КОНТЕКСТЕ «НОВЫХ ПОВОРОТОВ»
СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Современное социогуманитарное знание становится все более сложным по своей дисциплинарной структуре, институциональной организации на международном и национальном уровнях, характеру научных коммуникаций в условиях распространения новых информационных технологий. Наряду с зачастую более очевидными изменениями организационного и технологического развития происходит непрерывное обновление собственно познавательных средств науки. Новые научные предположения (гипотезы), модели социокультурных реалий и процессов (концепции и теории), способы познания (методы) и оценки эпистемологических возможностей этих методов (методологии) как фундаментальные составляющие научного знания включаются в уже сложившиеся научные традиции с разными последствиями. Инновации такого рода могут проявляться как «научные революции» с полной сменой исследовательской парадигмы (по Т. Куну) или как постепенное изменение траектории движения того или иного исследовательского направления – его «новый поворот». Понятие поворота – «лингвистического», «антропологического», «цифрового», «онтологического» – стало более предпочтительным для оценок результатов развития социогуманитарного знания на рубеже XX–XXI вв. в научной рефлексии, судя по тому, как широко и разнопланово оно используется в современной литературе.

Вместе с тем ни один из так называемых поворотов не стал пока общепринятым научным термином с однозначным содержанием и четко установленным местом в дисциплинарном или междисциплинарном тезаурусе. Более того, эти понятия многозначны

у разных авторов и зависят от дисциплинарного профиля исследования социокультурных реалий и проблем.

Фиксировать изменения антропологии и этнологии в новом научном контексте особенно сложно, поскольку этнологическое знание было полидисциплинарным от истоков своего становления, причем включало как естественно-научные дисциплины, так и гуманитарные. Во второй половине XIX в., времени признания официального академического статуса дисциплины, в российской научной традиции к этой области относили физическую антропологию, этнографию и археологию (так называемая анучинская триада), а в американской национальной школе – физическую антропологию, этнологию, археологию и лингвистику (так называемая тетрада Боаса). Столетие спустя структура дисциплин в обеих странах стала гораздо более сложной за счет выделения множества субдисциплин.

Характеризуя дисциплинарную структуру российской антропологии начала XXI в. и развитие новых направлений, один из ведущих сотрудников Института этнологии и антропологии РАН С.В. Соколовский среди традиционных для российской школы направлений антропологических исследований выделяет этнографическую фольклористику, этнографическое регионоведение, физическую или биоантропологию, исследования этнической истории и этногенеза (включая так называемую этноархеологию) и историю науки (этнографии, этнологии, антропологии). Все эти направления и юридическую антропологию (направление исследований, которое уходит корнями в дореволюционные исследования в области антропологии права, но почти не развивавшееся в 1930–1970-х годах) автор относит к первой волне дифференциации и специализации антропологического знания.

В 1970–1980-е годы к ним присоединились этнодемография, этносоциология, этногеография, этнопсихология, этнография детства, городская антропология, что и составило содержание второго этапа дифференциации российской этнологии.

Сегодня такие субдисциплины, как этнодемография, этногеография и этноэкология, более тесно связаны с такими специализациями у географов, как география населения, география культуры и физическая география, нежели с собственно с социально-культурной антропологией. Однако вовлеченность российских антропологов в серию прикладных проектов (разработка инструментария переписей населения, подготовка атласов и карт расселения этнических и конфессиональных сообществ, этнологическая экс-

пертиза проектов промышленного развития и положения коренного населения) заставляет их активно пользоваться демографическими и географическими подходами и концепциями, отмечает исследователь.

На третьем этапе, в конце 1980-х – начале 1990-х годов, свое институциональное воплощение в виде исследовательских специализаций и центров получили этнополитология, этноконфликтология, этногендерные исследования, медицинская, экономическая и визуальная антропология. Политическая антропология и этнополитология охватывают исследования национальной политики, национализма, государственной политики (главным образом, различных форм этнофедерализма и мультикультурализма), языковой и культурной политики, политики идентичности.

Это, по оценке С.В. Соколовского, наиболее обширная, хотя и слабо координированная междисциплинарная область исследований, в которой работают, помимо этнологов / антропологов, также философы, политологи, социологи, историки, конфликтологи, социальные психологи, географы, демографы и представители еще десятка дисциплин и специализаций, которые используют концептуальный аппарат и методы всех перечисленных областей социогуманитарного знания (6, с. 38).

Области исследований, принадлежащие к так называемой четвертой волне дифференциации российского антропологического знания (с конца 1990-х годов), «антропологии» самых разных областей современного общества – от государственного управления и администрирования до моды и досуга – пока скорее декларативны, чем реальны. Наличие таких интересов у молодого поколения российских антропологов объясняется скорее «влиянием западной антропологии, где эти дисциплины признаны благодаря распространившейся среди социологов, экономистов, культурологов и философов моде на “антропологический поворот” и этнографию как метод качественного (в смысле квалитативного) исследования» (6, с. 42).

Процесс роста числа субдисциплин в американской культурной антропологии прослежен известным историографом англоязычной антропологической школы Дж. Стокингом, профессором Отделения антропологии Чикагского университета, одним из наиболее авторитетных в мировой науке специалистов по истории антропологии. Он инициатор и редактор издававшейся на протяжении многих лет Университетом Висконсин серии «История антропологии».

Исследователь обращает внимание на то, что границы антропологии всегда были проблематичны в большей степени, чем в других дисциплинах и дискурсах общественнознания. Однако никогда, по мнению Дж. Стокинга, ситуация не была так остра, как на рубеже XX–XXI вв. Проблема динамики дисциплинарных границ постоянно обсуждалась в публикациях печатного органа Американской антропологической ассоциации (American Anthropological Association (AAA) «Anthropological Newsletters» в связи с реорганизациями этой организации, насчитывающей около 16 тыс. членов (в Российской ассоциации антропологов и этнологов около 1000 человек. – Т. У.).

В 1983 г. структура AAA была изменена для более эффективного представительства «смежных антропологий», возникших в предыдущие четверть века. Но уже к 1995 г. число официальных подразделений Ассоциации удвоилось и их стало более тридцати, помимо общепризнанных, но не получивших пока формального статуса «групп интересов» (24, с. 305).

Исполнительный директор AAA, неоднократно комментируя эту ситуацию на страницах «Anthropological Newsletters», постоянно выражал свое удивление по поводу того, что при столь высокой фрагментированности антропологию все еще называют единой дисциплиной, которая к тому же должна отвечать на основные вызовы времени. Это и образование в академической среде и за ее пределами, и привлечение в дисциплину «новых голосов», и использование антропологического знания в публичном политическом процессе, короче, – «полное соответствие сегодняшнему духу времени, конкурентному и переменчивому».

Очевидно, что столь обширное и фрагментированное исследовательское поле не могло быть обеспечено единой методологией, если это не простая декларация идеологической позиции ученого, в чем зачастую обвиняли «советский марксизм» в отличие от вполне приемлемого в качестве научного инструментария марксизма западных исследователей, развивавшегося, хотя и не без кризисов, в зарубежной историографии¹.

¹ Koditschek Th. How to change history // History and theory. – Malden, 2013. – Vol. 52, N 3. – P. 433–450.

В статье профессора Принстонского университета (США) профессора Теодора Кодичека, написанной в связи с выходом книги Эрика Хобсбаума (1917–2012) (Hobsbaum E. How to change the world: Reflections on Marx and Marxism. – New Haven: Yale univ. press, 2011. – VIII, 470 p.) «Как изменить мир: Размышле-

Учитывая немногочисленность и разнородность работ, отражающих научную рефлексию не только методологического, но и более широкого историко-научного и историографического характера, обзор построен как собрание нескольких самостоятельных разделов-дайджестов по тематике основных «поворотов», объединение которых позволяет более наглядно отразить разные ракурсы концептуального и методологического обновления современного этнолого-антропологического знания.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Лингвистический поворот уже в начале 2010-х годов стал предметом специализированного учебного курса, который был подготовлен на факультете истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. Показывая возможность применения междисциплинарных инструментов анализа языка и текста к историческому материалу, его автор Н.Д. Потапова демонстрирует методологические возможности одного из наиболее влиятельных направлений в современной историографии. Особое внимание уделено идеологии и проблеме так называемого ответственного письма, ставших предметом широкого обсуждения.

В авторском учебном пособии специальный раздел «Интеллектуальные практики модернизма: Аналитическая философия истории и приемы логического анализа языка» посвящен процессу «создания бренда “лингвистический поворот” (linguistic turn)», который приходится на послевоенное время, 1950–1960-е годы, и связан с именем Густава Бергмана. В 1920-е годы он начинал свое образование в Австрии как студент-математик, а в 1938 г. бежал от нацизма в США и обосновался в университете штата Айова. Сам исследователь определял лингвистический поворот как интеллектуальное движение, начавшееся с публикации «Логико-

ния о Марксе и марксизме», рассматривается творческий путь великого британского историка и оценивается его интеллектуальное наследие. Автор выделяет три периода в профессиональной карьере Э. Хобсбаума: ученичество и становление как историка рабочего класса в 1940–1950-е годы; апогей его творчества в 1960–1970-е; и, наконец, кризисный для марксизма период 1980–1990-х годов, когда, как это ни парадоксально, Э. Хобсбаумом и были выдвинуты идеи, оказавшие наибольшее влияние на мировую историографию (с. 434). Большакова О.В. [реф.] // РЖ «История» / РАН. ИНИОН. – 2016. – № 3. – С. 14–24.

философского трактата» Людвига Витгенштейна в 1922 г., посвященного не лингвистике как таковой, а логическому анализу языка – его избыточности, неполноты, неопределенности.

С 1925 г. в Чикаго началась университетская карьера американского лингвиста Эдварда Сепира, работы которого оказали влияние на чикагскую школу антропологии и социологии. Сепир специализировался на индейских языках, «его занимали трудности перевода, непереводаемость многих образов одного языка на другой, несводимость двух картин мира» (10, с. 38). Цитирование его работ, как и его коллеги Бенджамина Уорфа и логиков-эмигрантов из нацистской Германии, стало заметным историографическим явлением в 1950-х годах, когда представители разных дисциплин обнаружили, что занимаются общим делом и видят свой предмет так похоже.

Во Франции утверждение «лингвистического поворота» связывается с именем Мориса Мерло-Понти, чья концепция о феноменологии восприятия, разработка которой началась в еще оккупированном Париже, после освобождения страны стала значимой для нескольких поколений интеллектуалов. Мерло-Понти считал слово не облачением мысли, а ее выражением, как и Витгенштейн, оказавший очень большое влияние на англосаксонский интеллектуальный мир. Благодаря Мерло-Понти эта традиция затронула и Францию, поскольку он был известен среди студентов Эколь нормаль, где в 1950-е годы учились Мишель Фуко, Пьер Бурдьё и другие в будущем влиятельные в области социального знания авторы. В 1950–1960-е годы мода на англосаксонскую аналитическую философию приходит во Францию раньше, чем в другие страны, вместе с модой на все англо-американское (джаз, рок-н-ролл, молодежную культуру).

В этот интеллектуальный котел попал и Леви-Стросс, который привез из Нью-Йорка, где он несколько лет служил советником по вопросам культуры во французском посольстве, заимствованное у Романа Jakobsona увлечение Владимиром Проппом, русским формализмом и заодно логикой Чарльза Пирса. Леви-Стросс также «вернул» интерес к швейцарскому лингвисту Ф. де Соссюру не только во Франции, но и в Англии и Америке. Развернувшиеся в Париже в начале 1960-х годов дискуссии, обозначенные как лингвистический поворот, стали важным событием не только для мира интеллектуалов, но повлияли и на художественные практики, например кинематограф Годара.

Это движение способствовало популяризации того способа анализа языка, который был предложен интеллектуальным авангардом еще в 1920–1930-е годы: в России – формалисты, эмигрировавшие в Прагу, затем в США, в Вене – Витгенштейн и логический позитивизм, в Великобритании – связанная с традицией логического позитивизма теория речевых актов Остина, во франкоговорящей среде – Соссюр, в Соединенных Штатах – Сепир и Уорф (10, с. 56).

То, что начиналось как авангард, к концу 1950-х годов уже воспринималось как классика, а к середине 1960-х годов внимание интеллектуалов все определеннее смещается к теме нарратива и способам его анализа. Это была важная работа по формализации практического мышления, сопоставлению логического анализа исторической причинности и логики здравого смысла. Многие авторы привлекали внимание к тому, что привычка связывать настоящее с прошлым буквально вплетена в язык, и эта особенность языка делает обыденные способы мышления о мире историческими.

В филологии, точнее, в русской фольклористике еще на рубеже XIX–XX вв. в работах А.Н. Веселовского предпринимались попытки различить сюжет и фабулу. У формалистов и В.Я. Проппа эти различия были сформулированы таким образом: фабула – это перечень действий; а сюжет – это связь мотивов, являвшихся функциями действующих лиц. В 1960-е годы не утихали споры о том, является ли история повествованием и можно ли применять к историческим текстам приемы анализа «сюжетостроения», что многим казалось подрывающим основания исторического знания.

К концу 1960-х годов литературоведение в Европе и США превращается в дисциплину, которая заявляет о продуктивных методах анализа текста. «Новая литературная критика» и теории «сюжетостроения» позволили поставить ряд неожиданных вопросов: что отличает историю от исторического романа? Дает ли справочный аппарат (ссылки на литературу и источники) гарантию научности?

«Обычная практика историографии предполагает конвертацию, перевод с языка источника на язык истории и использование словаря, порой серьезно трансформирующего исходные смыслы, а порой практически разрывающего с ними» (10, с. 81). Дискурс истории традиционно сближается с художественными практиками и там, где предполагается интерпретация «психологической причинности», интенций, целей и намерений действующих лиц. Само допущение того, что научная монография использует сюжет вместо объяснения, в 1960-х казалось крамольной мыслью, подрыв-

вающей основы исторической науки. Однако тогда же, на рубеже 1950–1960-х годов, франко-итальянский кинематограф «новой волны» как один из видов художественной практики сам начинает использовать прием имитации документализма, как бы подчеркивая условность границы между вымышленным и реальным.

В начале 1970-х правомерность применения лингвистической логики к анализу исторических событий попытался применить молодой сотрудник Университета Калифорнии в Беркли Хейден Уайт. Его «Метаистория» была воспринята многими как поворот в философии истории и теории исторического знания, что он сам многократно отрицал в своих выступлениях и текстах. Признанию и растущему влиянию предложенного исследователем подхода Н.Д. Потапова посвящает специальный раздел своей работы «От структурализма к поэтике истории Хейдена Уайта».

Важным условием утверждения нового направления оказалось и то обстоятельство, что лингвистический поворот как особого рода методология гуманитарного знания оказался вписанным в еще один поворот общесоциального характера – поворот к критике идеологии и анализу дискурса.

Если в 1970–1980-е годы на волне популярности неомарксизма термин «идеология» был обязательным в инструментарии аналитика, то с тех пор критика марксизма способствовала резкому снижению его популярности как аналитической категории. «Рост популярности постструктурализма и постмодернизма, концепции Фуко, Маркузе, Бурдьё и их продолжателей низвели функции термина “идеология” к нескольким новым аналитическим понятиям: дискурсу, метанарративу, симулякру и идентичности. Новый мир казался трансидеологическим и ориентированным больше на индивидуальную самореализацию, чем на коллективизм прошлых лет. В концептуальном инструментарии, созданном в те годы, идентичность казалась доминирующей идиомой для исследования постклассового общества и после холодной войны. Это понятие использовали для анализа самых разных сфер опыта, от академии до повседневной жизни, политики, экономики, культуры» (10, с. 191).

Наибольшее внимание Н.Д. Потапова уделяет процессу институализации исследовательских направлений в 1980–1990-е годы «под общим “зонтом” поворота к языку». На смену массовому увлечению социальной историей, которое переживала англо-американская наука в 1960-е годы, приходит новая история культуры (cultural history). Поворот к культуре автор определяет как фундаментальный поворот гуманитарного знания в истории, лите-